

Идентичность и организация в меняющемся мире

сборник
научных статей

Ответственные
редакторы

Н.М. Лебедева,
Н.Л. Иванова,
В.А. Штроо

OCR by Palek

Введение	5
----------------	---

Раздел 1

Изменения социальной идентичности и общественного сознания

Татарко А.Н., Лебедева Н.М.	
Функциональная роль гражданской идентичности в структуре социального капитала	13
Иванова Н.Л., Мазилова Г.Б.	
Гражданская идентичность в различных социально-экономических условиях	41
Стефаненко Т.Г.	
Стратегии конструирования и управления гибридной этнической идентичностью	57
Ефремова М.В., Склизнева Н.П.	
Взаимосвязь этнической, религиозной и гражданской идентичностей	73
Белинская Е.П.	
Кризис идентичности в условиях радикальных социальных изменений	93
Татарко А.Н., Кравченко А.О., Короткин Б.А.	
Психосемантический анализ религиозного и политического сознания россиян	112
Ефремова М.В., Павленко О.В.	
Взаимосвязь религиозной идентичности и этнической толерантности	133
Иванова Н.Л., Курицына Е.В.	
Гендерная идентичность в профессиональном самоопределении женщин	154

Раздел 2

Социальная психология организационного поведения

Липатов С.А.

Социальная идентичность работников в организационных условиях	191
--	-----

Остроухова Е.Г., Штроо В.А.

Феномен группомыслия в условиях угрозы для групповой целостности	213
---	-----

Михайлова Е.В., Степанищева А.Е.

Взаимные ожидания работников и работодателей и текучесть кадров в организации	233
--	-----

Лебедева Н.М., Гизатулина А.С.

Ценности культуры и отношение к инновациям в международной компании	256
--	-----

Штроо В.А., Лобанова И.А.

Содержание группового мифа в группах с различным уровнем сплоченности	278
--	-----

Липатов С.А., Ловаков А.В.

Проблемы диагностики социально-психологического климата организации	298
--	-----

Мартьянова А.В.

Исследование переговоров в зарубежной и отечественной психологии	317
---	-----

Об авторах	327
-------------------------	-----

ФЕНОМЕН ГРУППОМЫСЛИЯ В УСЛОВИЯХ УГРОЗЫ ДЛЯ ГРУППОВОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ

Введение

Одним из ключевых социально-психологических процессов, в которых наиболее отчетливо отражаются организационные изменения, является групповое принятие решений. С одной стороны, вовлечение сотрудников организации в принятие управленческих решений характеризует переход к партисипативной организационной культуре, а с другой — совместное принятие решений детерминируется целым рядом социально-психологических закономерностей. К их числу относится феномен группомыслия (groupthink), находящийся в поле зрения социальных психологов уже более четверти века. Целью данной статьи является анализ современного состояния изучения группомыслия и изложение результатов экспериментальной проверки влияния ситуации угрозы групповой целостности на проявление этого феномена.

Групповое принятие решений как один из процессов групповой динамики традиционно считается более эффективным, чем индивидуальное, поскольку группа, во-первых, может собрать больше информации для принятия решения, чем один человек, а, во-вторых, правила и нормы принятия решений уменьшают влияние индивидуальных особенностей членов группы на процесс переработки информации. Но у такой точки зрения есть некоторые ограничения. Например, неравноценное участие людей в групповой дискуссии может привести к тому, что некоторые из членов группы почти не окажут влияния на оценку альтернатив, и таким образом истинного «усреднения» мнений не произойдет. Кроме того, в качестве целей группового принятия решений могут быть названы принятие решения высокого качества, удовлетворенность решением со стороны членов группы и высокая приверженность данному решению, а также нахождение применения способностям каждого из членов группы. В случае если две последние цели

ФЕНОМЕН ГРУППОМЫСЛИЯ В УСЛОВИЯХ УГРОЗЫ ДЛЯ ГРУППОВОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ

Введение

Одним из ключевых социально-психологических процессов, в которых наиболее отчетливо отражаются организационные изменения, является групповое принятие решений. С одной стороны, вовлечение сотрудников организации в принятие управленческих решений характеризует переход к партисипативной организационной культуре, а с другой — совместное принятие решений детерминируется целым рядом социально-психологических закономерностей. К их числу относится феномен группомыслия (groupthink), находящийся в поле зрения социальных психологов уже более четверти века. Целью данной статьи является анализ современного состояния изучения группомыслия и изложение результатов экспериментальной проверки влияния ситуации угрозы групповой целостности на проявление этого феномена.

Групповое принятие решений как один из процессов групповой динамики традиционно считается более эффективным, чем индивидуальное, поскольку группа, во-первых, может собрать больше информации для принятия решения, чем один человек, а, во-вторых, правила и нормы принятия решений уменьшают влияние индивидуальных особенностей членов группы на процесс переработки информации. Но у такой точки зрения есть некоторые ограничения. Например, неравноценное участие людей в групповой дискуссии может привести к тому, что некоторые из членов группы почти не окажут влияния на оценку альтернатив, и таким образом истинного «усреднения» мнений не произойдет. Кроме того, в качестве целей группового принятия решений могут быть названы принятие решения высокого качества, удовлетворенность решением со стороны членов группы и высокая приверженность данному решению, а также нахождение применения способностям каждого из членов группы. В случае если две последние цели

оказываются для сплоченной группы более важными, чем первая, качество принимаемого решения также снижается [Петров, 2005; Титова, 2004; Aldag, Fuller, 2004; Callaway, Esser, 1984; Charting..., 2004].

История изучения феномена «группомыслия»: критика и развитие концепции

Впервые термин «groupthink» был предложен И. Джанисом в 1971 г. В отечественной литературе существует некоторое разнообразие в переводе на русский язык этого термина: «группомыслие» [Андреева, 2002]; «групповой дух» [Бовина, 1998]; «огруппление мышления» [Майерс, 2002]; «групповое мышление» [Рошин, 1980] и др. В научной литературе группомыслие понимается как «стиль мышления людей, полностью включенных в группу, где стремление к единомыслию важнее, чем реалистическая оценка возможных вариантов действий». Феномен группомыслия помогает группе поддерживать представление о себе как об успешно функционирующем образовании даже в ситуации, когда принятое решение ошибочно, и результаты деятельности группы подвергаются дискриминации извне.

Обзор научной литературы показал, что только отдельные теоретические предположения теории И. Джаниса подтвердились эмпирическими результатами. Уже многие авторы считают, что теория требует модификации и доработки [Callaway, Esser, 1984; Esser, 1998; Granstrom, Stiwnne, 1998; Hart, 1991; Longley, Pruitt, 1980; Moorhead, Neck, West, 1998; Neck, 1996; Park, 1990; Stern, Sundelius, 1994; Tasa, Whyte, 2005]. Например, Р. Алдаг и С. Фуллер полагают, что недостатки концепции И. Джаниса обусловлены тем, что модель была построена на ретроспективном изучении кейсов политических фиаско, но при этом сравнение процессов принятия решения для случаев с благоприятными и неблагоприятными исходами не было включено в рассмотрение [Aldag, Fuller, 2004].

Изучение исторических кейсов, в которых имело место проявление группомыслия, проводилось при помощи использования различных методов. Наиболее часто использовался традиционный качественный анализ [Esser, 1998; Janis, 1982, 1983; McCauley, 1998; Moorhead et al., 1998]. Количественные методы применялись значительно реже [Esser, 1998; Shafer, Crichlow, 1996]. Наиболее полное и точное исследование

было проведено Ф. Тетлоком и коллегами. Используя методологию Q-сортирования, они проанализировали 10 кейсов с точки зрения проявления различных аспектов групповой динамики [Tetlock et al., 1992]. В целом анализы кейсов позволили расширить имеющийся список политических решений, в которых, по мнению исследователей, проявилось группомыслие.

Значение исследований конкретных случаев принятия реальных политических решений заключается в том, что они дополняют первоначальную концепцию группомыслия И. Джаниса или же опровергают некоторые из ее положений. Так, ни К. МакКаули [Esser, 1998], ни Ф. Тетлок [Tetlock, 1992] не обнаружили подтверждения тому, что сплоченность является предпосылкой возникновения группомыслия. Далее, несмотря на предположение Дж. Мурхеда о возможном значении такого фактора, как ограничение времени, на принятие решения, исследования К. МакКаули и Ф. Тетлока обнаружили, что параметры ситуации — в том числе и ограничение по времени — не связаны с проявлением группомыслия. Некоторые исследователи считают, что неэффективный процесс принятия решения обуславливает низкое качество решения, и их предположения подтверждаются эмпирическими исследованиями [Esser, 1998]. В итоге в качестве дополнения к концепции группомыслия были предложены три дополнительных симптома неэффективного принятия решений, которые помогают идентифицировать группомыслие: неспособность поддерживать контакт с оппозицией, недостаток кооперации с посредниками, невозможность отложить крайние сроки.

К. Грэнстром и Д. Стиун предложили свое видение концепции И. Джаниса, предположив, что существует два типа группомыслия — «пессимистичное» и «сверхоптимистичное», а также свели восемь исходных симптомов группомыслия к пяти основным [Granstrom, Stiwne, 1998].

1. Способы обращения с негативной информацией: группа вместо того, чтобы использовать ее в работе с пользой, в случае проявления пессимистичного типа группомыслия обесценивает эту информацию (ссылаясь на неверные методы оценки или некомпетентных экспертов) или принимает с комментариями: «Как мы измучились, у нас ничего не получится». В случае проявления сверхоптимистичного типа группомыслия позитивная информация переоценивается.

2. Способы обращения с идеями и предложениями по поводу работы группы. Группа вместо того, чтобы с интересом рассматривать их, в случае проявления «пессимистичного» типа «группомыслия» не

обращает на них внимания («Мы уже все перепробовали») или, в случае проявления «сверхоптимистичного» типа «группомыслия», преподносит в таких уничижительных терминах, что они отпадают сами собой. Члены группы демонстрируют самоцензуру, появляются «умохранители».

3. Восприятие групповой силы, или оценка группы. В случае же проявления сверхоптимистичного типа группомыслия вместо того, чтобы оценить баланс сил и принимать во внимание наличие и способности других групп в случае проявления пессимистичного типа группомыслия члены группы демонстрируют слабость («Нас никто не ценит», «Мы ни на что не годимся»), участники наделяют свою команду смелостью и силой и приписывают отрицательные черты остальным группам, создавая аутгрупповые стереотипы.

4. Стили лидерства. Группа вместо кооперации и распределения ответственности, в случае проявления пессимистичного типа группомыслия, передает всю власть лидеру и выражает ему скептическое восхищение либо, в случае проявления сверхоптимистичного типа группомыслия, лидер жестко контролирует группу, не допуская суждений, противоречащих мнению группы, осуществляя давление на инакомыслящих и поддерживая иллюзию неуязвимости.

5. Мнения насчет уязвимости группы. Члены группы вместо реалистичной оценки своей квалификации, в случае проявления пессимистичного типа группомыслия, чувствуют и демонстрируют свою уязвимость или же, наоборот, в случае проявления сверхоптимистичного типа группомыслия проявляют чрезмерный оптимизм, неуязвимость и грандиозную компетентность.

С другой стороны, Дж. Эсер и К. Линдерфер предполагают, что не все условия и симптомы группомыслия, как и не все симптомы неэффективного принятия решений, должны присутствовать, чтобы группомыслие проявилось. Скорее, по их мнению, группомыслие определяется присутствием определенного сочетания условий и симптомов [Esser, 1998]. Ряд авторов считают, что изоляция группы от внешних экспертов, директивное лидерство и непроработанность методических процедур принятия решения являются основными предпосылками группомыслия [McCauley, 1998; Esser, 1998]. Исследователям был также интересен вопрос о том, является ли группомыслие результатом личного принятия, интернализации совместного решения, или же согласие с группой лишь выражается публично, но не разделяется в действительности всеми ее членами. Единого мнения по этому поводу среди исследователей нет, потому проблема остается предметом дальнейшего изучения.

Лабораторные исследования концентрировались на отдельных аспектах концепции И. Джаниса, рассматривая в качестве независимой переменной одно из условий группомыслия, а в качестве зависимой — последствия возникновения феномена. К сожалению, в результате проведения подобных экспериментов исследователям не удалось выработать общих оснований для подбора заданий и методик, позволяющих диагностировать взаимосвязи между отдельными аспектами концепции. Но, тем не менее, экспериментальные исследования обнаружили наличие слабой взаимосвязи между групповой сплоченностью и проявлением группомыслия. Дж. Тернер критиковал подобные результаты исследований, поскольку, по его мнению, при операционализации понятия «сплоченность» не была учтена главная составляющая — восприятие индивидами себя как единой группы [Esser, 1998]. В то же время лабораторные эксперименты подтверждают, что существует взаимосвязь директивного руководства в группе и группомыслия, а также неэффективных процедур принятия решения и проявления феномена группомыслия. В любом случае ни одно из лабораторных исследований не позволяет сделать твердые выводы касательно условий возникновения группомыслия и его предполагаемых последствий.

Несмотря на то что дополнительные исследования обогатили и эмпирически подтвердили отдельные аспекты концепция группомыслия, необходимо проявить особое внимание к качеству проводимых исследований. Например, не представляется эффективным дальнейший анализ описанных еще И. Джанисом кейсов принятия политических решений с целью подтверждения присутствия обозначенных им условий и симптомов группомыслия. Необходимо также решить вопрос: возможно ли возникновение группомыслия в экспериментальных условиях, когда задача имеет гипотетический характер и принятое группой решение не влияет на судьбу нации или всего человечества в целом, как это характерно для реальных политических решений. Среди исследователей группомыслия также нет единого понимания, при помощи каких конструктов операционализируются ключевые понятия концепции, такие как «сплоченность», «директивное лидерство» и т.д. Эти и другие вопросы стимулируют интерес психологов к феномену группомыслия. Благодаря использованию кейсов исследовательская база группового принятия решений пополняется новым материалом для анализа, а лабораторные эксперименты позволяют эмпирически подтвердить теоретические предположения, возникающие в процессе анализа конкретных случаев.

Защитная активность группы в условиях угрозы групповой целостности

В отечественной социально-психологической литературе последних лет наблюдается повышенный интерес к проблематике групповой целостности, прежде всего в работах Г.М. Андреевой, К.М. Гайдар, А.И. Донцова, А.Л. Журавлева, Б.Ф. Ломова, В.А. Хашенко, А.С. Чернышева, В.А. Штроо. Это связано с тем, что в своей деятельности группа выступает как коллективный субъект, активность которого направлена на самоподдержание, воспроизводство себя как целого. Следовательно, появляются основания для введения категории *групповой защитной активности* как совокупности действий и механизмов, ограждающих группу от воздействия внешних и внутренних факторов, угрожающих ее целостности [Штроо, 1998, 2001]. Целостность группы рассматривается в трех аспектах — топологическом, структурном и динамическом, или процессуальном. Первоначально на основании теоретического анализа были выделены следующие групповые защитные механизмы: групповое табу, группомыслие, групповой ритуал, ингрупповой фаворитизм, самоизоляция, семейный миф, социальный стереотип аутгруппы, фиксация внутригрупповой статусной иерархии, формализация внутригрупповой коммуникации, экстернальная атрибуция неуспеха групповой деятельности. Таким образом, феномен группомыслия, по мнению В.А. Штроо, может обладать и защитными функциями, сохраняя единство группы и уверенность в правильности принятого совместно решения даже в стрессовых условиях, когда под угрозой находится целостность группы и дискредитируются результаты групповой деятельности.

Если действие защитных механизмов направлено на поддержание групповой целостности, следовательно, внешние или внутренние факторы, актуализирующие групповые защитные механизмы, угрожают нарушению целостности группы. При опоре на выделение трех аспектов групповой целостности — топологического, структурного и динамического, или процессуального, — становится возможным описание характера угрозы, действующей в каждом из трех случаев:

- в топологическом аспекте в качестве угрозы может выступать ликвидация группы или распад группы изнутри вследствие конфликта, ухода членов группы;

- в структурном аспекте угрозу вызывает «смена власти» в группе посредством вмешательства извне или «бунт» изнутри, за которым последовала реструктуризация отношений и деятельности в группе;

- в динамическом аспекте угрозу несет в себе дискредитация результатов группы со стороны внешних социальных институтов или восприятия самой группой несоответствия между содержанием и характером, целями и средствами деятельности, между формальной и неформальной структурой отношений.

При наличии угрозы для групповой целостности группа выбирает одну из двух стратегий реагирования. Первая из них — *когнитивно-аффективная (собственно защитная)* стратегия, основанная на трансформации перцептивных (информационных) и мотивационно-смысловых аспектов совместной деятельности, при этом объективные ситуационные характеристики не затрагиваются. Результатом реализации когнитивно-аффективной стратегии становится появление специфических «фантомов» группового сознания, адекватных позитивному состоянию групповой реальности, но не адекватных объективной ситуации функционирования группы. Источником энергии, необходимой для реализации стратегии, является переживание членами группы чувства страха, противоречие между группой и внешней (социальной) реальностью или же между элементами самой групповой реальности. Вторая стратегия — *организационно-деятельностная* — заключается в перераспределении функционально-ролевых отношений между членами группы, обновлении состава группы или ликвидации прежних и в других действиях, которые приводят к изменениям в функциональной и операционально-технической составляющих групповой деятельности. Может измениться тип и характер взаимодействия группы со средой и предметом совместной деятельности. Источником энергии, необходимым для реализации стратегии, является чувство неудовлетворенности членов группы наличным или прогнозируемым положением дел, а также несоответствие между объективными результатами совместной групповой деятельности и ее целями [Штроо, 2001].

В результате анализа сложившихся представлений о феномене группомыслия можно сделать заключение о том, что его симптомы играют для группы определенную роль в формировании и поддержании групповой самооценки и уверенности в том, что решения группы разумны и правильны. Поскольку провокационный ситуационный контекст является одним из условий, повышающих вероятность проявления группомыслия, то наличие угрозы для групповой целостности во всех трех ее аспектах может привести к возникновению данного феномена группового принятия решений. Соответственно, если удастся зафиксировать группомыслие в ситуации угрозы для групповой целостности, будет

возможным сделать предположение о наличии у феномена защитных функций.

Таким образом, в качестве *общей гипотезы* исследования взято предположение о связи между наличием угрозы для групповой целостности и проявлением феномена «группомыслия», а именно: в ситуации угрозы для групповой целостности проявляется феномен «группомыслия». Подтверждение общей гипотезы предполагает подтверждение частных гипотез.

Частная гипотеза 1. В ситуации угрозы для групповой целостности некомментируемые типы альтернатив, предлагаемых в процессе принятия решения, значимо преобладают над комментируемыми.

Частная гипотеза 2. В ситуации угрозы для групповой целостности принимаемые типы альтернатив, предлагаемых в процессе принятия решения, значимо преобладают над отвергаемыми.

Частная гипотеза 3. В ситуации угрозы для групповой целостности группа предлагает значимо меньшее количество альтернатив, чем в ситуации отсутствия такой угрозы. Проверке этих гипотез было посвящено наше эмпирическое исследование.

Методика исследования

В исследовании приняли участие 18 испытуемых в возрасте от 19 до 25 лет. Все они — студенты московских вузов, работающие на момент проведения эксперимента в различных бизнес-структурах, имеющие возможность и опыт участия в принятии решения в своей организации. Выборка была разделена на две группы по 9 человек, уравненные по половому составу (7 девушек и 2 юноши) и среднему возрасту (21,1 года), одна из которых стала экспериментальной, а вторая — контрольной.

Экспериментальная процедура включала три этапа: «разминку» (обеим группам предлагается придумать для своей группы название, эмблему и девиз, а затем презентовать себя перед другой группой), проведение двух серий эксперимента и заключительное задание, введенное для соблюдения этических норм эксперимента.

Первая экспериментальная серия. После того, как обе группы в ходе участия в разминочной сессии приобрели опыт внутригруппового и межгруппового взаимодействия, им было предложено одинаковое задание для выполнения изолированно друг от друга. Время, отводимое для

его выполнения, было ограничено 30 минутами. Этого времени объективно не хватает для успешного осуществления задачи, следовательно, группа постоянно находится в напряжении. Задание для первой серии было заимствовано из технологии «Ассессмент-центра» [Assessment Center, 2007] и адаптировано для использования в данном эксперименте. Суть задания состоит в том, чтобы составить расписание дня для гипотетического сотрудника компании в условиях избытка требований к нему со стороны руководства, подчиненных, родственников и партнеров. Количество вариантов решения в данном задании не ограничено, так как группа может самостоятельно находить пути выхода из конфликтных ситуаций — поручать кому-то задание, переносить встречу, отменять ее и т.д. Группа работает над принятием решения совместно, утвержденное решение должно быть зафиксировано письменно и заверено подписями всех членов группы в знак согласия с ним. Во время выполнения задания экспериментатор не вмешивается в деятельность группы и не отвечает на вопросы. После окончания экспериментальной серии каждому члену группы предлагается заполнить анкету для оценки качества принятого решения по пяти критериям:

- зафиксированы последовательность и время действий;
- сотрудник не опаздывает ни на одну встречу;
- сделаны все необходимые дела;
- в каждый момент времени сотрудник занят одним делом;
- четко прописаны действия исполнителей.

Экспериментатор также оценивает групповое решение по тем же пяти критериям. За выполнение каждого из критериев группа получает 1 балл. Таким образом, качество группового решения было оценено дважды — самой группой и экспериментатором.

Вторая экспериментальная серия. Экспериментатор объявляет группам их результаты в баллах. Группа, оказавшаяся более успешной в выполнении задания, поощряется, экспериментатор говорит, что они приняли успешное решение. Группе, набравшей более низкий балл, сообщается, что их решение не отвечает условиям задания, результат неудовлетворителен, работа признана неэффективной. Ожидается, что дискредитация результатов деятельности приведет к снижению самооценки группы, что будет способствовать проявлению феномена группомыслия. Группа, результаты которой менее удовлетворительны, во второй серии эксперимента становится экспериментальной, и к ней применяется *экспериментальное воздействие*: экспериментатор удаляет из состава группы двух человек, что создает угрозу групповой целостности во всех трех ее аспектах:

- в топологическом аспекте — нарушение границ группы, изменение чувства «мы»;
- в структурном аспекте — нарушение структуры отношений, необходимость в построении новой структуры;
- в процессуальном аспекте — нарушение функционирования группы, возможно, изменение целей, средств, характера функционирования.

Двое членов группы, которых предстояло удалить, выбирались экспериментатором по признаку максимально активного участия в групповой дискуссии, чтобы их отсутствие вызвало необходимость переструктурирования коммуникативно-ролевой структуры экспериментальной группы. Далее группам было предложено выполнение задания, по содержанию аналогичного первому, но более сложного. Кроме того, было сокращено время, отводимое на принятие решения, поскольку группы уже имеют некоторый опыт выполнения задания и на этот раз могут справиться с ним быстрее. Все остальные условия реализации второго задания были аналогичны первой экспериментальной серии. После завершения второго задания участники вновь оценивают принятое решение по тем же пяти критериям, экспериментатор также подсчитывает баллы.

По замыслу исследования проявление феномена группомыслия ожидалось в экспериментальной группе. Операционально наличие группомыслия фиксировалось по трем параметрам:

- значимое преобладание некомментируемых типов альтернатив над комментируемыми;
- значимое преобладание принимаемых типов альтернатив над отвергаемыми;
- ограничение дискуссии небольшим количеством альтернатив.

Если ожидания подтвердятся, то можно говорить о том, что феномен группомыслия проявляется в условиях угрозы групповой целостности. Следовательно, необходимо проанализировать, обладает ли группомыслие в данной ситуации защитными функциями, помогает ли оно группе изменить взгляд на ситуацию таким образом, чтобы свести к минимуму психологический дискомфорт в группе. Если экспериментальная группа не продемонстрирует признаки группомыслия, то невозможно говорить о связи между условиями угрозы групповой целостности и проявлением феномена группомыслия.

Обработка эмпирических данных предполагала использование как количественных, так и качественных методов анализа стенограмм групповых дискуссий. Количественному анализу с целью выявления функционально-ролевой структуры группы и ее изменений от первой ко

второй экспериментальной серии подвергалось процентное соотношение количества слов в высказываниях каждого из членов группы по отношению к общему количеству слов стенограммы групповой дискуссии. Качественный анализ проводился для альтернатив решения и новых идей, выдвигаемых группой — фиксации идей и предложений, выдвигаемых в группах, а также реакции группы на эти предложения. Всего было выделено шесть видов альтернатив с точки зрения реакции группы на их предложение:

- «по умолчанию» — принимается, не комментируется членами группы, реализуется;
- «игнорирование» — отвергается, не комментируется членами группы, не реализуется;
- «самоцензура» — участник, предложивший альтернативу, тут же отказывается от нее сам. Не комментируется членами группы, не реализуется;
- «согласие, поддержка» — принимается, комментируется членами группы, реализуется;
- «как вариант» — принимается, комментируется членами группы, не реализуется;
- «отказ» — отвергается, комментируется членами группы, не реализуется.

Кроме этого производилась статистическая оценка значимости различий между оценками респондентов и оценкой экспериментатора. Полученные данные были обработаны с помощью статистического пакета SPSS. Для оценки значимости различий был использован непараметрический *U*-критерий Манна — Уитни для независимых выборок испытуемых.

Описание и обсуждение результатов

Анализ высказываемых альтернатив позволил выявить, что в экспериментальной группе от первой ко второй экспериментальной серии в 4 раза возросло количество альтернатив «по умолчанию», в 2 раза — количество альтернатив «согласие, поддержка». В то же время в 2 раза сократилось количество альтернатив «игнорирование», в 2,5 раза — количество альтернатив «отказ». Для контрольной группы характерным оказалось то, что изменения количества альтернатив различного типа фактически не произошло (табл. 1).

Соотношение количества альтернатив в группах в первой и второй сериях эксперимента, %

Вид альтернативы	Экспериментальная группа		Контрольная группа	
	1-я серия	2-я серия	1-я серия	2-я серия
«По умолчанию»	10,8	46,8	26,7	20,6
«Игнорирование»	32,4	15,6	16	17,6
«Самоцензура»	0	0	1	4,4
«Согласие, поддержка»	9,5	18,8	34	35,3
«Как вариант»	2,7	0	4,3	1
«Отказ»	44,6	18,8	18	20,6
Всего	100	100	100	100

Соотношение комментируемых и некомментируемых типов альтернатив сопоставимо для всех случаев измерения, кроме показателей экспериментальной группы во второй экспериментальной серии, когда группа принимала решение в условиях угрозы для групповой целостности (табл. 2). Количество некомментируемых альтернатив, высказанных участниками экспериментальной группы во второй серии эксперимента, превысило количество некомментируемых альтернатив в первой серии эксперимента более чем в 1,5 раза. Снижение доли комментируемых альтернатив указывает на то, что группа не подвергает всестороннему анализу и оценке предлагаемые альтернативы и, следовательно, не рассматривает довольно большую часть потенциальных вариантов решения. Полученные данные позволяют подтвердить предположение о том, что в ситуации угрозы для групповой целостности некомментируемые типы альтернатив, предлагаемых в процессе принятия решения, значительно преобладают над комментируемыми.

Таблица 2

Соотношение типов альтернатив в экспериментальной и контрольной группах в первой и второй сериях эксперимента, %

Типы альтернатив	Экспериментальная группа		Контрольная группа	
	1-я серия	2-я серия	1-я серия	2-я серия
Комментируемые	56,8	37,6	56,3	57,4
Некомментируемые	43,2	62,4	43,7	42,6
Принимаемые	23,0	65,5	65,0	56,9
Отвергаемые	77,0	34,4	35,0	43,1
Всего альтернатив (абс. кол-во)	74	32	94	58

Контрольная группа и в первой, и во второй экспериментальных сериях принимает большое количество альтернатив, но при высоких показателях комментируемых альтернатив можно говорить о том, что группа приходит к согласию только после предварительного обсуждения и анализа предложенных вариантов. У экспериментальной группы во второй экспериментальной серии значимо возрастают показатели принимаемых альтернатив по сравнению с первой экспериментальной серией — группа стала меньше отвергать и игнорировать, больше демонстрировать единодушие. При этом во второй экспериментальной серии экспериментальная группа продемонстрировала преобладание некомментируемых вариантов над комментируемыми, и количество альтернатив «по умолчанию» составляет 46,8 из 65,6% принятых альтернатив. Следовательно, можно говорить о том, что в ситуации угрозы для групповой целостности принимаемые типы альтернатив, предлагаемых в процессе принятия решения, значимо преобладают над отвергаемыми.

Общее количество предложенных альтернатив в первой экспериментальной серии у контрольной группы примерно в 1,5 раза больше, чем во второй экспериментальной серии. Это обусловлено тем, что вторая экспериментальная серия занимала в 1,5 раза меньше времени, чем первая. Во второй экспериментальной серии экспериментальная группа предложила более чем в 2 раза меньше альтернатив, чем в первой. Следовательно, экспериментальная группа во второй экспериментальной серии при принятии решения оперировала не всей доступной информацией. Таким образом, в ситуации угрозы для групповой целостности группа предлагает значимо меньшее количество альтернатив, чем в ситуации отсутствия угрозы для групповой целостности.

Анализ предложенных группами альтернатив позволяет подтвердить, что в условиях угрозы для групповой целостности проявляется феномен группомыслия, что выражается в преобладании некомментируемых типов альтернатив над комментируемыми, принимаемых типов альтернатив над отвергаемыми и в снижении общего количества предлагаемых альтернатив по сравнению с ситуацией отсутствия угрозы для групповой целостности.

Анализ распределения долей участия членов группы в дискуссии по количеству произнесенных ими слов показывает, что во второй экспериментальной серии экспериментальная группа перестраивает коммуникативно-ролевую структуру группы из-за удаления двух членов группы (рис. 1). В первой экспериментальной серии в эксперименталь-

ной группе лидером дискуссии была К., хотя она руководила менее директивно, чем Т., лидер дискуссии в контрольной группе, и позволяла М. и О. отклоняться от обсуждаемой темы. Остальные члены группы, кроме двух участников (Г. и Ш.), также принимали участие в дискуссии экспериментальной группы. Во второй экспериментальной серии в экспериментальной группе резко возросла доля участия И., которая наравне с М. стала лидером обсуждения и организатором дискуссии. Также повысилась доля участия в дискуссии экспериментальной группы Б. и С., но уменьшилось количество реплик В. (возможно, по причине удаления О. и К., что вызвало у нее негативную эмоциональную реакцию). Двое участников группы (Г. и Ш.) по-прежнему не принимали участия в обсуждении. Следовательно, экспериментальная группа отреагировала на угрозу нарушения групповой целостности действиями, направленными на реструктурирование объективной ситуации.

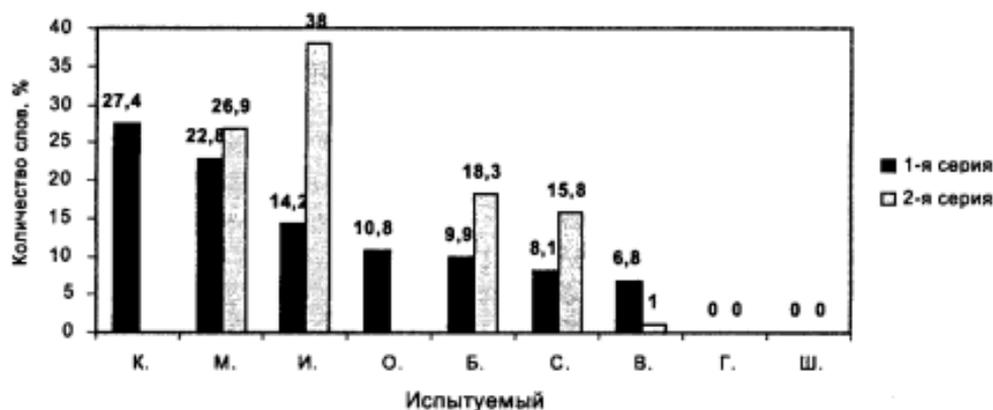

Рис. 1. Активность в дискуссии участников экспериментальной группы в первой и второй экспериментальных сериях

Характерным для контрольной группы является то, что участник Т. — явный лидер в обеих экспериментальных сериях — направляет ход дискуссии, организует ее таким образом, чтобы каждый мог высказаться. Поэтому показатели других членов групп сопоставимы друг с другом ($10 \pm 5\%$), при этом нет членов группы, которые не участвуют в дискуссии (рис. 2). Грамотная организация дискуссии в контрольной группе позволяет ее членам более эффективно работать с информацией, рассмотреть и оценить большее количество альтернатив за ограничен-

ный промежуток времени. В контрольной группе не наблюдается резких различий в долях участия между первой и второй экспериментальными сериями, поскольку целостность группы не была нарушена, и у группы не было необходимости в реорганизации коммуникативно-ролевой структуры.

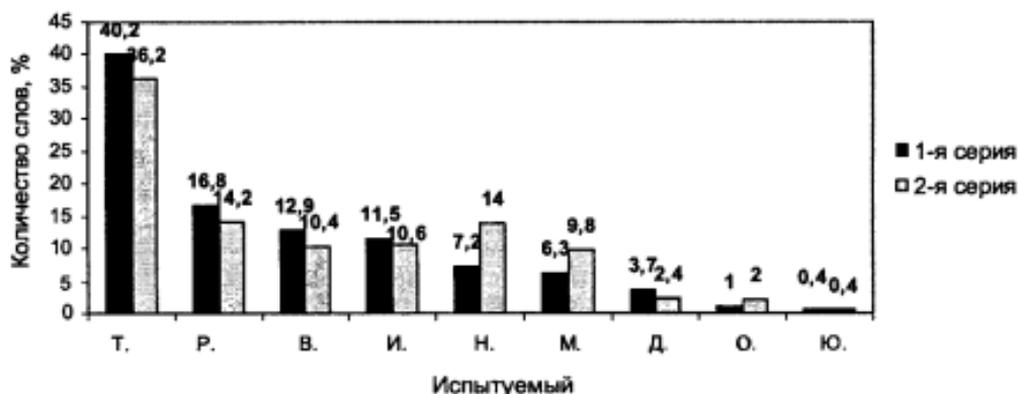

Рис. 2. Активность в дискуссии участников контрольной группы в первой и второй экспериментальных сериях

Стенограмма дискуссии экспериментальной группы включает 1570 слов в первой серии и 846 слов во второй серии эксперимента. Дискуссия контрольной группы содержала 3539 и 2744 слова соответственно. Таким образом, экспериментальная группа менее, чем контрольная, настроена на продуктивный и полноценный диалог, задействует не все свои ресурсы и доступную информацию, не подвергает ее такому всестороннему обсуждению, как контрольная группа. Возможно, этот факт может служить косвенным подтверждением того, что структурные недостатки группы играют основополагающую роль в возникновении группомыслия, а характеристики ситуации лишь провоцируют проявление феномена.

Различия между оценками качества совместно принятого решения участниками группы (групповая самооценка), с одной стороны, и экспериментатором («объективная» оценка) — с другой также могут свидетельствовать о проявлении феномена группомыслия (табл. 3).

Оценки качества группового решения в первой и второй экспериментальных сериях

Оценки участников экспериментальной группы											Оценка экспериментатора
Участники	М	И	Б	С	В	Г	Ш	К	О	Средняя	
1-я серия	5	5	5	5	5	4	5	5	5	4,89	3
2-я серия	3	3	3	3	3	3	3	—	—	3,00	2
Оценки участников контрольной группы											Оценка экспериментатора
Участники	Т	Р	В	И	Н	М	Б	О	Ю	Средняя	
1-я серия	4	5	5	5	5	5	5	5	5	4,89	4
2-я серия	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5,00	4

Итак, оценки участников экспериментальной группы в первой серии статистически значимо превышают оценки экспериментатора с вероятностью ошибки, равной 0,0%, в то время как во второй экспериментальной серии не зафиксировано значимых различий между оценками испытуемых и оценками экспериментатора. Оценки участников контрольной группы и в первой, и во второй экспериментальных сериях значимо превышают оценки экспериментатора с вероятностью ошибки, равной 0,0%. Интересным является тот факт, что при проставлении оценок качества решения экспериментальная группа во второй экспериментальной серии производила исправления вариантов ответа в бланках анкет. Группа приняла решение о замене ответов «да» на ответы «нет» в процессе обсуждения, процесс исправления был инициирован испытуемым М., поддержан Б. и опротестован со стороны И., но пойти против группы до конца она не решилась. Процесс изменения мнений членов группы под давлением одного из лидеров дискуссии также характерен для групп, проявляющих группомыслие. Результаты статистической обработки данных показывают, что в условиях отсутствия угрозы групповой целостности группы демонстрируют завышенные оценки качества принятых ими решений, в то время как при возникновении угрозы для групповой целостности самооценки качества принятого решения становятся более адекватными. Вероятно, полученные результаты могут быть объяснены в терминах снижения самооценки членов экспериментальной группы после дискредитации итогов групповой деятельности. В свою очередь, более низкие оценки могут быть

показателем проявления «пессимистичного» типа группомыслия по концепции К. Гранстрема и Д. Стиуна.

Итак, групповое решение, принятое экспериментальной группой, является некачественным, поскольку оно не отвечает трем из пяти критериев оценки его качества. В условиях угрозы групповой целостности группа реагирует попыткой реорганизации ее коммуникативно-ролевой структуры, что является вынужденным шагом после удаления двух членов группы. Вероятно, вследствие ощущения психологического дискомфорта в группе и необходимости осуществить переструктурирование взаимоотношений и принятие группового решения одновременно группа оказывается не в состоянии организовать полноценную дискуссию и анализ альтернатив. По этой причине она начинает демонстрировать признаки группомыслия, которые определены как значимое преобладание некомментируемых альтернатив над комментируемыми, значимое преобладание принимаемых альтернатив над отвергаемыми и значимо меньшее, по сравнению с ситуацией отсутствия угрозы для групповой целостности, количество предложенных альтернатив. Помимо этого экспериментальная группа оценивает качество принятого решения как более низкое по сравнению с собственными оценками в ситуации отсутствия угрозы для групповой целостности и в сопоставлении с оценками качества решения, данными контрольной группой. Экспериментальная группа оценила принятое решение ниже, чем обычно, под давлением одного из лидеров дискуссии, М., причем первоначально проставленные оценки качества были выше итоговых. Таким образом, ощущение психологического дискомфорта, связанное с удалением членов группы, дискредитацией результатов групповой деятельности, необходимостью переструктурирования групповой дискуссии, отсутствием организованного анализа информации, а также временным ограничением для выполнения задания выразилось и в итоговых оценках качества решения. При этом в группе было зафиксировано проявление феномена группомыслия. Следовательно, можно говорить о существовании определенной взаимосвязи ситуации наличия угрозы групповой целостности и проявления феномена группомыслия.

Выводы

В ситуации угрозы для групповой целостности группа предлагает значимо меньшее количество альтернатив, чем в ситуации ее отсутствия.

При угрозе для групповой целостности некомментируемые типы альтернатив, предлагаемые в процессе принятия решения, значимо преобладают над комментируемыми.

В ситуации угрозы для групповой целостности принимаемые типы альтернатив, предлагаемые в процессе принятия решения, значимо преобладают над отвергаемыми.

В условиях угрозы групповой целостности проявляется феномен «группомыслия».

Литература

- Андреева Г.М.* Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2002.
- Бовина И.Б.* О феномене «группового духа» // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14: Психология. 1998. № 1. С. 47–52.
- Донцов А.И.* К проблеме целостности субъекта коллективной деятельности // Вопросы психологии. 1979. № 3. С. 25–34.
- Журавлев А.Л., Соснин В.А., Красников М.А.* Социальная психология. М.: Форум, 2006.
- Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М.* Психология малой группы: теоретический и прикладной аспекты. М.: Аспект Пресс, 1991.
- Майерс Д.* Социальная психология. СПб.: Питер, 2002.
- Петров А.В.* Дискуссия и принятие решений в группе: технология модерации. СПб.: Речь, 2005.
- Почебут Л.Г., Чикер В.А.* Организационная социальная психология. СПб.: Речь, 2000.
- Роцин С.К.* Западная психология как инструмент идеологии и политики. М.: Политиздат, 1980.
- Симонов К.В.* Политический анализ. Феномен группового мышления. М.: Лотос, 2002.
- Титова Н.Л.* Разработка управленческих решений: курс лекций. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004.
- Целикова В.В.* Групповое мышление как механизм влияния на личность в деструктивном культе // Журнал практического психолога. 1997. № 1. С. 98–101.
- Штроо В.А.* Защитные механизмы: от личности к группе // Вопросы психологии. 1998. № 4. С. 54–61.
- Штроо В.А.* Исследование групповых защитных механизмов // Психологический журнал. 2001. № 1. С. 5–15.
- Aldag R.J., Fuller S.R.* Groupthink // Encyclopedia of Applied Psychology. Vol. 2. Elsevier Inc., 2004. P. 161–174.
- Assessment Center для руководителей. Опыт реализации в российской компании: упражнения, кейсы / М.В. Красностанова, Н.В. Осетрова. Самара; М.: Вершина, 2007.

Callaway M.R., Esser J.K. Groupthink: Effects of Cohesiveness and Problemsolving Procedures on Group Decision Making // *Social Behavior and Personality*. 1984. No. 12 (2). P. 157–164.

Chapman J. Anxiety and Defective Decision Making: An Elaboration of the Groupthink Model. www.emeraldinsight.com/0025-1747.htm.

Charting a Course to Good Decision Making // *Development and Learning in Organizations*. 2004. Vol. 18. No. 5. P. 31–33.

Eaton J. Management Communication: The Threat of Groupthink // *Corporate Communications: An International Journal*. 2001. Vol. 4. No. 6. P. 183–192.

Erdem F. Optimal Trust and Teamwork: From Groupthink to Teamthink // *Work Study*. 2003. Vol. 52. No. 5. P. 229–233.

Esser J.K. Alive and Well after 25 Years: A Review of Groupthink Research // *Organizational Behaviour and Human Decision Processes*. 1998. Vol. 73. P. 116–141.

Granstrom K., Stiwnie D. A Bipolar Model of Groupthink. An Expansion of Janis's Concept // *Small Group Research*. 1998. Vol. 29 (1). P. 32–56.

Hart P., Irving L. Janis's Victims of Groupthink // *Political Psychology*. 1991. Vol. 12. P. 247–278.

Janis I.L. Groupthink. 2nd ed. Boston: Houghton Mifflin Company, 1982.

Janis I.L. Groupthink: Psychological Studies of Policy. Boston: Houghton Mifflin Company, 1983.

Koerber C.P., Neck C.P. Groupthink and Sports: An Application of Whyte's Model // *International Journal of Contemporary Hospitality Management*. 2003. No. 15/1. P. 20–28.

Longley J., Pruitt D.G. Groupthink: A Critique of Janis's Theory / Review of Personality and Social Psychology. 1980. No. 1. P. 74–93.

Manz C.C., Neck C.P. Teamthink: Beyond the Groupthink Syndrome in Self-Managing Work Teams // *Team Performance Management*. 1997. Vol. 3. No. 1. P. 18–31.

McCauley C. Group Dynamics in Janis's Theory of Groupthink: Backward and Forward // *Organizational Behaviour and Human Decision Processes*. 1998. Vol. 73. P. 142–162.

Moorhead G., Neck C.P., West M.S. The Tendency toward Defective Decision Making within Self-Managing Teams: The Relevance of Groupthink for the 21st Century // *Organizational Behaviour and Human Decision Processes*. 1998. Vol. 73. P. 327–351.

Neck C.P. Letterman or Leno: A Groupthink Analysis of Successive Decisions Made by the National Broadcasting Company // *Journal of Managerial Psychology*. 1996. Vol. 11. No. 8. P. 3–17.

Park W. A Review of Research on Groupthink // *Journal of Behavioral Decision Making*. 1990. No. 3. P. 229–245.

Park W. A Comprehensive Empirical Investigation of the Relationships among Variables of the Groupthink Model // *Journal of Organizational Behaviour*. 2000. No. 21. P. 873–887.

Peterson R.S., Owens P.D., Tetlock P.E., Fan E.T., Martorana P. Group Dynamics in Top Management Teams: Groupthink, Vigilance and Alternative Models of Organizational Failure and Success // *Organizational Behaviour and Human Decision Processes*. 1998. Vol. 73. P. 272–305.

Reinertsen D. The Human Key to Effective Innovation // *Strategic Direction*. 2003. Vol. 19. No. 7. P. 33–35.

Shafer M., Crichlow S. Antecedents of Groupthink: A Quantitative Study // *The Journal of Conflict Resolution*. 1996. Vol. 40. No. 3. P. 415–435.

Smith S. Groupthink and the Hostage Rescue Mission // *British Journal of Political Science*. 1985. Vol. 15. No. 1. P. 117–123.

Stern E., Sundelius B. Review: The Essence of Groupthink // *Mershon International Studies Review*. 1994. Vol. 38. No. 1. P. 101–107.

Tasa K., Whyte G. Collective Efficacy and Vigilant Problem Solving in Group Decision Making: A Non-Linear Model // *Organizational Behaviour and Human Decision Processes*. 2005. Vol. 96. P. 119–129.

Tetlock F.E., Peterson R.S., McGuire C., Chang S., Feld P. Assessing Political Group Dynamics: A Test of the Groupthink Model // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1992. Vol. 63. No. 3. P. 403–425.

Turner M.E., Pratkanis A.R. A Social Identity Maintenance Model of Groupthink // *Organizational Behaviour and Human Decision Processes*. 1998. Vol. 73. P. 210–235.

Whyte G. Groupthink Reconsidered // *The Academy of Management Review*. 1989. Vol. 14. No. 1. P. 40–56.